

Галина Петрова
Galina Petrova

Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
seminar_2008@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1591-2080

Юрий Петров
Yuri Petrov

Институт гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета
National Research Tomsk Polytechnic University
creapp2010@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1094-3286

Кирилл Шибико
Kirill Shibiko

Национальный исследовательский Томский государственный университет
National Research Tomsk State University
diroltelefon@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9449-2162
<https://doi.org/10.34768/KEGJ-JE18>

Nr: 2 (2020)
ISSN (on line) 2658-154X

Терроризм как война в ее крайней форме недоверия „Другому”

Terrorism as extreme form of war and a distrust of „Another”

Summary

The article considers war as a concept that is constructed by the style of philosophical thinking, which is typical for a particular historical epoch. The style of thinking sets the frameworks, boundaries and laws of its understanding. The article compares the classical model of a war, the concept of which was set by the mind of the Enlightenment, and the modern forms of its implementation, when the philosophical mind undergoes deconstruction processes. Strict logic and legislative "pure reason" (Immanuel Kant) determined the relevant content, form and description of the language of war. The war was carried out according to laws of logic and rules, which assumed transparent and efficient steps. It could be read by Another (opponent). Thus,

paradoxically, trust in the Other was revealed. For example, the rules of honor and duty were preserved, a declaration of war was required, the troops were lined up in a certain order, and there was very strict hierarchy of officers. However, modern deconstructivist processes and the deconstruction of metaphysics destroy the classical unity of the logic of war and admit the rhizome of its forms. Therefore, modern reality knows the multiplicity of forms of war: information war, marketing war, virtual war, terrorist war and etc. There are no rules, no logic, no trust in such war. The absence of these factors characterizes, for example, terrorism, which is now considered as a new form of war. Terrorism is a manifestation of total distrust, hatred and contempt for Another.

Keywords: war, deconstruction, style of philosophical thinking, trust.

Ключевые слова: война, терроризм, деконструкция, стиль философского мышления, доверие.

Исследование темы войны в горизонте доверия/недоверия к Другому вызывается сегодня необходимостью философского ответа на вызовы современного глобализированного и полицентричного мира. Открытые границы глобального пространства, казалось, предполагали возможность ухода фигуры „Чужого” (народа, культуры, цивилизации), поскольку в качестве жизненных принципов были предложены либеральные отношения толерантности, доверия и расположенности. В таком пространстве требовалась философская рефлексия по поводу механизмов события вместе. Либеральная идея являлась проверенным и позитивно себя зарекомендовавшим механизмом совместного бытия. Получив статус устойчивого мировоззренческого принципа еще в XVII-XVIII вв., либеральная идея благодаря кантовской трактовке „чистого разума” долгое время императивно и законодательно служила в качестве образца классических схем рационального устройства социума. Обслуживая и до сих пор западную цивилизационную матрицу на схожих основаниях, и сталкиваясь со следствиями собственной толерантной расположенности к „Другому” в лице мигрантов и террористов, она сегодня вынуждена ставить себе вопрос: „Почему?” Ситуация с мигрантами – социальная, культурная, политическая и психологическая напряженность, которую они принесли с собой, – дала основание актуализировать вопрос либерального отношения к Другому. Актуальность становится особенно явной, когда в лице „Другого” все чаще просматривается „Чужой”, т.е. когда это лицо становится лицом террориста. Террор как война требует исследования и релевантного ответа на вопросы относительно ее сущности и форм проявления на современном этапе исторического развития.

В свое время ответ на вопрос о войне дал прусский офицер и военный писатель Карл фон Клаузевиц. Его ответ – это ответ классики – классического строя мысли о войне. Мог ли тогда Клаузевиц предполагать, что, говоря о войне как о „продолжении политики иными средствами”, он не давал ее полного определения, и

размышлял лишь в рамках строгой логики и господствующего тогда (XVIII- XIX вв.) духа Просвещения, утвердившего рациональный стиль мышления в качестве единственного. Именно в этих здравых рационально бесхитростных рамках война определялась как „продолжение политики” средствами насилия („иными средствами”), имеющего целью „заставить противника выполнить, сокрушить и продиктовать нашу волю”¹, немедленно подчиниться, бросив собственные флаги и сдав оружие, захватив территорию и обратив население чужой страны в рабство. Первая и вторая мировые войны, а также и множество войн локальных до XX в., по сути, являли войну в ее классической форме. Язык ее описания – „сокрушить”, „бить в самое сердце врага”, „сломить”, „захватить территории”, „подавить” и т.п. И язык, и сами военные действия касались, в первую очередь, политической сферы, которая подвергалась разрушению во имя поставленной цели – экономического сокрушения. „Теория войны, – пишет Клаузевиц, – преимущественно занимается исследованием вопроса, как добиться на решительном пункте перевеса материальных средств и преимуществ”.² К. Клаузевиц имел в виду именно эту – тогда она являла себя как единственная – классическую форму войны. Он не мог предполагать, что появятся такие формы войны, как информационная, маркетинговая, виртуальная и, наконец, террористическая.

Наше время характеризуется противостоянием (столкновением) цивилизаций, характеризующихся не столько различным уровнем экономического развития (хотя и это тоже есть), сколько разной культурной самобытностью, различными культурными ценностями (язык, религия, история, обычаи, разные общественные институты и пр.). Цивилизационный подход к историческому развитию инициирован современным – неклассическим философским стилем мышления, который характеризуется разрешающим действием деконструктивистских процессов как собственно в философии (деконструкция метафизики), так и деконструкцией классических способов конструирования различных сфер социальной жизни, общественных институтов и событий. В этом процессе деконструкции находит себя и такое событие, как война, меняющая свои формы проявления. Это и показывает пример сравнения теории войны в том виде, как она была разработана К. фон Клаузевицем, и ее современное, существенно измененное состояние.

¹ [1] Clausewitz C. О voyne. Chast' 1, razdel 2. Moskva: Gosvoenizdat, 1934.

² 2. Clausewitz C. Клаузевиц К. Vazhneyshiye printsipy voyny. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/09.html> (date of access 6.11.2019).

Первое, что подлежало деконструкции как общепhilософскому процессу, был стиль философствования, который в классической философии базировался на единстве первоначала – архе. В качестве социального архэ, объясняющего состояние всех социальных процессов, рассматривалось, как правило, экономика. Поэтому мировоззренческий взгляд, релевантный классическому пониманию войны, – это внимание к экономическому фактору культуры, который, считалось, является ее фундаментальным основанием – архе. Оно в случае войны подлежало захвату с целью обогащения, прироста материальных благ и прироста территории (тоже материальный фактор). Важно сказать, что архэ полагалось единым и единственным. Оно не могло содержать никакой ризомной множественности. Классические социальные онтологии всегда являли себя рационально выверенными и осуществляемыми на единых основаниях. Не на этих ли классических основаниях выстроена концепция либеральной демократии, полагающая не только возможность, но и закономерную необходимость понимать культурную коммуникацию как толерантность, терпимость, открытость, бесконфликтную совместность бытия и пр.? Классический либерализм вследствие отрицания проблемы множественности признал „Другого” как „того же самого”. Классический взгляд на войну, т.е. взгляд, отдающий приоритет одному материальному фактору – экономике, – сегодня подвергся деконструированию.

Деконструктивизм явил себя в социальной реальности в ризомности культур и цивилизаций, в возникновении ценности множественности на месте единства экономического фактора и его абсолютности.

Вывод приведенных рассуждений для темы статьи состоит в том, что в результате деконструкции типа и стиля мышления, который исторически всегда задает характер построения социальной реальности в ее культурных и цивилизационных характеристиках, и который сегодня затронул главным образом, западную цивилизацию, возникли две цивилизационные матрицы развития. Основное, что их различает – разные социальные ценности. Но объединяет их необходимость жить в одном глобальном пространстве. Человек при всей разности цивилизационной принадлежности живет в ситуации противоречивости и глубины переживания своей со-бытийности с „Другим”. Современный мир представлен пространством „Я и Другой”, „Я и Чужой”. Философия в лице таких авторов, как Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и В. Вальденфельс, посредством нового языка описания создали релевантный современной специфике мира категориальный аппарат („бытие-в-мире”, „интерсубъективность”, „жизненный мир”, „повседневность”), посредством которого социальный мир предстал

не в единстве унифицированной системы, основанной на едином „архэ”, но во множественности культурных состояний. Они никогда не совпадают, проявляют себя разнонаправленно, вплоть до конфликтов и войн.

Особое значение для понимания терроризма как новой, характерной для современности формы войны имеет введенная категория „Чужого”. „Чужой” в интерпретации Ж.-П. Сартра отличается от „Другого” тем, что несет в себе „угрозу” и „опасность”. Мир – это „бытие-для-другого”, и, если в нем есть „Чужой”, он всегда подвергается опасности, потому что для него „Я” становлюсь „инструментом возможностей, которые не являются моими”, он диктует мне цели, „которых я не знаю”³. Более детально рассматривает проблему „Чужого” Б. Вальденфельс. Сравнивая две категории – „Другой” и „Чужой”, Б. Вальденфельс считает, что „первая („Другой” – Г. П.) указывает лишь на несхожесть” (и это не несет угрозы, но, напротив, выражает специфику бытия множественности культур). Но для второй – для „чужести” – надо искать „место особого рода”⁴. Но этого нельзя достигнуть. И Б. Вальденфельс разрабатывает респонзивную модель „Чужого”, для которой принципиальной является категория ответа (response). Но ответ трудно реализуем или не реализуем вовсе, поэтому „Чужой” недоступен и всегда находится „где-то в другом месте”⁵. В своей недоступности „Чужой” действует раздражающим образом⁶. Причинами раздражения могут быть „чужеская” уникальность, его неподвластность никакому обобщающему действию, поскольку для него не находится родовой категории. Он даже зародился „где-то в другом месте”⁷. Поэтому „Чужой” радикален в своих притязаниях и всегда предстает в асимметрии ко мне, а его ответ (response) никогда не совпадает с моим собственным и потому между мной и „Чужим” находится „пропасть”⁸. Вполне возможно, что пропасть непреодолима, и даже на попытки ее преодолеть требуются невероятные усилия, хотя они заканчиваются безрезультатно, ибо Чужой не способен на культурный ответ. В этих рассуждениях автор показывает невозможность установления с „Чужим” толерантных отношений, ибо он находится в полном несовпадении с другой социальностью, отчужден от другой культуры, кардинально не

³ Sartre J.-P. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: TERRA- Knizhnyyklub; Respublika, 2002. 290.

⁴ Waldenfels B. Otvét chuzhomu: osnovnyye cherty respozitivnoy fenomenologii // Motiv chuzhogo. Minsk.: Propilei. 1999. p.126.

⁵ Ibidem.

⁶ Waldenfels B. Svoya kul'turai kul'tura chuzhaya. Paradoks nauki o chuzhom // Filosofsko-literaturnyy zhurnal. M. 1994 (1995). Nr 6, p. 81.

⁷ Ibidem, p. 137.

⁸ Ibidem, p. 138-139.

способен психологически принять их. В чужом бытии он органически не принимает и не понимает разность культурных обычаев, религиозных культовых проявлений и национальных традиций. И „данный факт, считает Б. Вальденфельс, остается в силе как для различия полов, так и для культурных различий”⁹.

Какой вывод можно сделать из приведенных рассуждений относительно преодоления угрозы терроризма и перспектив террористической войны? Неутешительный. Две культурные и цивилизационные матрицы в современном глобализированном мире существуют как „своя” и „чужая”. По поду их взаимоотношений один из ведущих либерально настроенных авторов – Ф. Фукуяма – в 80-х годах XX века давал оптимистический прогноз в связи с тем, что они развиваются под воздействием рационально сконструированной либерально-демократической идеи, которая полагает принципы доверия, толерантности и открытости народов и культур. Такая схема мира – это вершина гуманистического развития истории, и в этом смысле, считает Ф. Фукуяма, ее конец, поскольку она ориентирована на прекращение всех форм войн и конфликтов. Но дальнейший опыт истории этого не показал. Терроризм не только не прекратил свое существование, но и не показывает никакого движения в этом направлении, оставаясь на позициях крайнего недоверия к другой культуре.

Исследование терроризма как новой формы войны требует, в первую очередь, грамотное определения самого этого понятия. А. Гусейнов в работе „Философия, Мораль, Политика”¹⁰ приводит 49 определений терроризма, но среди них не находит ни одного, которое могло бы дать объективную характеристику этого явления. Д. Такрах в „Энциклопедии терроризма и политического насилия” приводит 63 определения терроризма, которые существовали в 70-80 годах XX века¹¹. Он оговаривает, что именно взаимодействие многих субъективных факторов делает таким сложным определение терроризма. Х. Кушнер также говорит о сложности определения терроризма, поскольку это понятие предполагает анализ глобальных политических проблем, которые, в свою очередь, различными учеными, журналистами, политическими деятелями видятся по-разному¹². Сложность определения понятия „терроризм” обусловлена тем, что каждый конкретный террористический акт есть акт индивидуальный, здесь нет законов его осуществления. Он опасен уже тем, что

⁹ Ibidem, p. 125.

¹⁰ Guseynov A.A. *Filosofiya. Moral'. Politika*. M.: Akademiya, 2002. 300 p.

¹¹ Thackrah J.R. *Encyclopedia of terrorism and political violence*. NJ: Routledge & Kegan Paul Inc. 1987/308 p.

¹² *The Terrorism reader: A historical Antology* / Eds. Walter Laqueur, Yonah Alexander. NY.: New American Library/ 1987. P. 183.

невозможно его предвидение, не понятны формы его осуществления. Можно сказать, что террорист – это тот, кто без определенной цели уничтожает всё, что его окружает.

Сегодня, несмотря на рост количества терактов, так и не найдено точного определения терроризма, и нет определения, которое бы использовалось большинством исследователей и экспертов. Некоторые правительства склоняются к тому, чтобы именовать терроризмом любые акты насилия, совершаемого политическими оппонентами. Неточная природа термина означает, что он может быть применен практически к любому типу действий, вызывающих общественную опасность. Дж.Уайт, обращает внимание на то, что определение и трактовка терроризма меняется со временем¹³. По мнению Дж.Уайта, необходимо сознавать, что любое обращение к определению должно рассматриваться, исходя из исторического контекста. Но и в таком подходе складывается ситуация, когда определение дается различными учёными и в рамках различных школ, а, следовательно, и определение не оказывается общепринятым. Понятно, однако, что феномен терроризма нельзя обсуждать без учета исторического контекста. Дж. Уайт делает экскурс в историю понятия и трактовки термина. Он указывает, что современный терроризм зародился ещё во времена Великой Французской революции (1789–1795). Тогда термин использовался и был ангажирован в рамках описания действий французского правительства. К середине XIX в. трактовка термина изменилась, и террористами стали называть революционеров, сколачивающихся против правительств. К концу XIX в. и в начале XX в. при помощи термина „терроризм” давали описание деятельности анархических, националистических движений, борющихся против чуждой для них и их мировоззрения власти. После Второй мировой войны (1939–1945 гг.) значение термина „терроризм” снова меняется в связи с политическими и социальными изменениями в мире¹⁴.

Еще один вопрос волнует современных исследователей – вопрос об образе и характере личности террориста и о причинах того, что он, оказавшись в поликультурном мире, встретившись с множеством культур, не может принять идею доверия в качестве наиболее перспективной для того, чтобы жить в таком мире. В этом смысле можно говорить о том, что ему свойственна исторически всегда существовавшая социальная болезнь, имя которой – нигилизм. Воспользуемся идеями Ф. Ницше при описании террористического нигилизма. Террорист, будучи зараженным

¹³ White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont: Wadsworth Publishing. 2005. P. 3.

¹⁴ White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont: Wadsworth Publishing. 2005. P. 5

нигилизмом, как правило, не видит смысла во всем, что происходит в мире, не доверяет всему существующему. На этом основании у него утрачивается чувство гармонии, целостность универсума в его сознании распадается на хаотичные разрозненные части, и он теряет ощущение своего места и собственной значимости в мире.¹⁵ На последней стадии нигилизма он полностью отказывается от прежней картины мира, расценивая ее как иллюзорную. Для него бытие представляется картиной борьбы единичных волей, направленных на удовлетворение только личных интересов. Он проявляет чисто витальную волю к власти, когда утрачивается сама потребность в возвышенных идеалах и ценностях. Последнюю форму нигилизма Ницше называет „полным нигилизмом”. Она приводит к иллюзорной попытке на месте поверженных абсолютных ценностей воздвигнуть новых кумиров, требующих такого же жертвенного почитания¹⁶ и дающих смысл индивидуальному бытию.

Третий вопрос, который волнует современных исследователей, – вопрос о причинах терроризма. Самый объективный и удовлетворительный ответ на него можно искать в специфике современного этапа социальной жизни, когда возникло противостояние двух, претендующих на мировоззренческий универсализм, идеологий. Мировой межкультурный конфликт сегодня представляет собой столкновение двух систем ценностей: неолиберальных и исламистских, равно рассматривающих себя носителями универсальной истины. С одной стороны, искусственные общечеловеческие ценности неолиберализма, заявленные в качестве незаменимых и общих для любой культуры, претендуют на гегемонию и торжество единого демократического человечества. Им противостоит ислам, который всегда имел такую претензию, никогда не отказываясь от статуса религии последнего божественного откровения. В ряде наиболее радикальных течений подчеркивается тотальный характер ислама, который сегодня все более радикализируется и превращает себя в агрессивный исламский мессианизм и антизападничество. Ислам консервативен и строен в своём социальном учении, которое отказывает в автономии всем моральным, правовым и политическим ценностям и установкам, кроме собственных. Не доверяет им, являя собой крайнюю степень недоверия.

В заключение можно привести цитату из работы А. Кырлежева „Ислам и Запад после 11 сентября”. Автор пишет: „Если изначально исламский фундаментализм был реакцией на доминирование прозападных националистических элит и

¹⁵ Nietzsche F. *Volya k vlasti*. M.; Khar'kov. 2003. p. 401-402.

¹⁶ *Ibidem*.

постколониальную зависимость мусульманских стран, то сейчас радикализм в исламе и производный от него экстремизм могут рассматриваться как ультраконсервативная реакция на гегемонию светских ценностей западной цивилизации, выражаемой в процессе глобализации, распространяющем на весь мир культурный и ценностный релятивизм западного постмодерна, в том числе и на такие культуры, которые религиозно организованы”¹⁷.

Библиография

Clausewitz С. Клаузевиц К. Vazhneyshiye printsipy voyny. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/09.html> (дата обращения 6 ноября 2019 г.).

Clausewitz С. О войне. Chast' 1, razdel 2. Moskva: Gosvoenizdat, 1934

Guseynov A.A. Filosofiya. Moral'. Politika. M.: Akademkniga, 2002. 300 pp.

Kyrlezheva. Islam i Zapad posle 11 sentyabrya. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/112/islam-i-zapad-posle-11-sentyabrya.html> (date of access 10.11.2019).

Nietzsche F. Volya k vlasti. M.; Khar'kov. 2003. 536 p.

Sartre J.-P. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: TERRA-Knizhnyyklub; Respublika, 2002. 640 pp.

Thackrah J.R. Encyklopedia of terrorism and political violence. NJ: Routledge & Kegan Paul Inc. 1987. 308 p.

The Terrorism reader: A historical Antology / Eds. Walter Laqueur, Yonah Alexander. NY.: New American Library. 1987.

Waldenfels B. Otvet chuzhomu:osnovnyye cherty responzitivnoy fenomenologii // Motiv chuzhogo. Minsk.: Propilei.1999. 176 p.

Waldenfels B. Svoya kul'turai kul'tura chuzhaya. Paradoks nauki o chuzhom // Filosofsko-literaturnyy zhurnal. M.1994 (1995). Nr 6, p.77-94

White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont: Wadsworth Publishing. 2005.

¹⁷ Kyrlezhev A. Islam i Zapad posle 11 sentyabrya. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/112/islam-i-zapad-posle-11-sentyabrya.html> (date of access 10.11.2019).